

Мадемуазель из "Табакерки"

Французенка Камий Кайоль выбирает русскую сцену

Культура. - 1998. - 12-18 марта. - с. 12

Правда, сама Камий сразу предупреждает: "Не надо смотреть на меня, как на экзотический экземпляр. Я прежде всего — актриса". Это, конечно, справедливо, хотя и "экзотики" в ее недолгой творческой судьбе тоже хватает.

Она часто совершает непредсказуемые поступки, понимание которых приходит позже. Сначала же все решает интуиция, внезапный порыв. Камий говорит, что актерство в ней заложено от природы и она всегда знала, что рано или поздно придет в театр. И при этом сначала почему-то поступила в Сорбонну, на филологический факультет. Неизвестно, как долго продолжалась бы эта учеба, но тут случилось знакомство с русскими студентами. Она приехала в Москву просто познакомиться с друзьями, но этот визит резко изменил ее жизнь. Камий бросает благополучную Сорбонну и поступает в Школу-студию МХАТа на курс Олега Табакова. Причем признается, что до этого видела только один российский спектакль — "Серсо" Анатолия Васильева, но этого потрясения ей хватило, чтобы "на всю жизнь" довериться русскому театру.

— В России замечательная школа, сильные традиции: Станиславский, Михаил Чехов. И совершенно другой взгляд на театр. Русский театр — очень эмоциональный, что для меня принципиально важно. Но тогда я даже не рассуждала, просто захотелось выбросить все прошлое, чтобы заново найти себя. Табаков дал нам очень многое. Он человек, конечно, строгий, но какой замечательный педагог и актер. Удивительно, как он все успевает, никогда ничего не упускает.

Табаков же, в свою очередь, говорит, что у Кайоль есть "лишний позвонок". Странное, в общем-то, определение, но, кажется, верное. И ощутить наличие этого "позвонка" можно, видя Камий на сцене. В жизни она — скромная и незаметная девочка-подросток, без тени косметики и изящных "французских" туалетов. А на сцене — и не узнать: спина выпрямлена, глаза горят, мгновенно включается врожденный темперамент. Между прочим, говорят, что все это признаки настоящего ак-

тиста.

Играть на профессиональной сцене Камий начала еще в годы учебы — в "Обыкновенной истории" в "Табакерке", затем в театре-студии "Человек". И когда в 1994 году срок обучения закончился, она без особых колебаний решила остаться в России, пока не зная, надолго ли. Сегодня Камий занята в пяти спектаклях "Табакерки" — "Обыкновенная история", "Билокси-блюз", "Псих", "Камера obscura" и "Еще Ван Гог". В труппу вполне вписалась и работает с удовольствием, будь то главные роли или второго плана. Замечательно сыграла Магду в "Камере obscura", освободив набоковскую стервочку от пошлости и безжалостности, добавив (от себя, быть может) какой-то странной здесь чистоты и достоинства. Органично вошла в фокинский "кордебалет" ("Еще Ван Гог"), соединив грубоватые реплики врача психиатрической лечебницы с эмоционально-пластической расшифровкой през главного героя.

И уже, кажется, научилась не только по достоинству ценить русский театр, но и подмечать его недостатки, пропуская их, конечно, через собственный опыт. Например, редкость работы с хоро-

шими режиссерами, которых, как полагает Кайоль, вообще "крайне мало в Москве". Или "новую русскую антрепризу", не всегда дающую качественные результаты. Правда, она поучаствовала в ней всего однажды — в спектакле П.Гладилина "Вещий сон", где сыграла аристократку Лизоньку, показав, наконец-то, настоящий "французский шарм". Увы, в целом спектакль не сложился.

С российским кино отношения тоже пока не завязываются. Вернее, предложения были, и она на них соглашалась, но не везло. То денег на фильм не хватило, то заболела в Париже мама, и Камий на время пришлось уехать. А потом и звать перестали, хотя она продолжает надеяться.

Но творчество — творчеством, а жизнь — жизнью, которая, как известно, в Москве очень отличается от парижской. Вряд ли, конечно, Камий способна до конца все принять, хотя она и утверждает именно это. Правда, замечает:

— Раз уж я здесь, значит, должна принимать. Если меня что-то перестанет устраивать, я ведь могу и уехать. Да, страна другая, другая культура, воспитание. Но в сущности все люди похожи друг на друга, только оболочка

разная.

Да и с бытом немало проблем. Семь лет в Москве без своего угла — общежития, чужие квартиры. Правда, театр обещает помочь с жильем, но надо еще подождать. Переживают родители, оставшиеся во Франции, но уже склоняются к тому, чтобы смириться. Да и вообще она пока человек без гражданства, хотя слово "дом" у Камий уже прочно ассоциируется с Москвой.

— Моя жизнь — здесь. Семь лет прошло, это много. Поэтому я хочу остаться в России, хотя и понимаю, что это не просто. Я ведь в Москве — иностранка и на многое не имею права. И во Франции я уже никто. Получается, что я вообще никто. Не могу сказать, что очень скучаю по Парижу. Может быть, просто закрываю для себя эту тему, чтобы ностальгией не мучиться. Хотя, повторяю, мне здесь хорошо. Иногда смотрю какой-то французский фильм по телевизору, и вдруг: "Ой, ребята, это же моя родина!" То есть сама удивляюсь, что все это было когда-то и вдруг оказалось таким далеким. Странно это все. Странно...

Ирина АЛПАТОВА

Сцена из спектакля "Камера obscura". Магда — К.Кайоль, Горн — А.Смоляков, Кречмар — Б.Плотников